

Православие и секуляризм

В своем выступлении я хотел бы остановиться на теоретическом вопросе соотношения религиозного и светского, а также на практическом вопросе сосуществования в современном обществе приверженцев религиозной веры и сторонников секуляризма. Эти вопросы сегодня не только активно обсуждаются, но и приобретают все большую остроту.

Причина этого, думаю, очевидна: начатая в эпоху европейского Просвещения переделка мира на безрелигиозных секулярных основах не привела к тому результату, который имели в виду его инициаторы, потому что по своему существу эта трансформация была задумана как тотальный процесс, который должен был привести в конечном итоге к полному искоренению религии. История, однако, показала, что религия не только не отмирает, но продолжает существовать и даже переживает периоды возрождения. Более того, в условиях ее активного вытеснения и подавления религия обнаруживает новую силу и способность привлекать умы и сердца людей. Мы хорошо знаем это по истории гонений на религию и Церковь в тех государствах, где секуляризм выразился в форме официального общегосударственного атеизма.

Советский секуляризм был особенно жестким и непримиримым к религии. Может быть, именно по этой причине религиозное возрождение в посткоммунистических странах стало явлением, которому нет аналогов в Западной Европе. Что же касается европейского культурного ареала, того пространства, которое раньше именовали христианским миром, мы должны признать другой исторический факт: на этом пространстве утвердился такой уклад общественной жизни, который предполагает светскость государства, свободу совести и вероисповедания, а также существование различных сфер мысли и деятельности, – таких, как наука, искусство, экономика, право – которые не определяются религиозными представлениями и ценностями: Иначе говоря, хотя религия не отмерла, а в некоторых регионах христианского мира даже переживает возрождение, все же она в той или иной степени была вытеснена из многих областей общественной жизни.

Секуляризм не смог не только уничтожить религию, но и загнать ее в гетто, хотя к этому и прилагались значительные усилия; при этом сам секуляризм, утвердившись на разных территориях, во многих случаях претендует на то, что является универсальным всеопределяющим началом жизни современных обществ и их членов. В этой ситуации секуляризм как мировоззренческая установка и как историческая практика, как правило, рассматривается в качестве некоего естественного общественного состояния, а все иные мировоззренческие установки воспринимаются лишь как следствие частного субъективного выбора, не имеющего

значение для жизни общества в целом.

Такая установка принята сейчас во многих странах Западной Европы, где религиозная принадлежность человека обычно никоим образом не афишируется. То есть человек может быть религиозным в своей церковной общине, в семье, но не должен проявлять свою религиозность ни на работе, ни в общественной деятельности – его поступки и высказывания (особенно если речь идет о политическом деятеле) не должны быть мотивированы религиозными постулатами и религиозными духовно-нравственными установками. Из этого следует, что в западноевропейском обществе секулярная норма принимается как универсальная и общепринятая, а религиозные воззрения – как частные мнения индивидуумов.

Как религиозные люди и религиозные сообщества должны относиться к данной ситуации и как они должны в ней действовать? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо различать два вида секуляризма. С одной стороны, это агрессивный воинствующий секуляризм, который является своего рода псевдорелигией. Он самым фанатичным образом насаждает свою веру и рассматривает представителей иных вер, в том числе и собственно религиозной веры, как своих заклятых врагов. Именно с таким видом секуляризма мы имели дело в Советском Союзе. Он представляет собой конкретное историческое явление, связанное с отвержением религии и борьбой против Церкви: власть секулярного разума устанавливается в обществе в противовес разуму религиозному. Сторонники такого вида секуляризма не могут, а главное, не хотят признать, что существует особый религиозный разум, и всячески навязывают людям представление, что религия по своему существу иррациональна и является пережитком прошлого.

С другой же стороны, следует различать и такой секуляризм, который, по сути дела, представляет собой принцип светскости, принципиальной нейтральности по отношению к религиозным убеждениям и другим мировоззрениям и жизненным установкам, к религиозной практике. Именно он сегодня утвердился в европейских обществах. В отличие от государственного атеизма коммунистических режимов, секуляризм как принцип светскости ставит целью не полное уничтожение религии, но вытеснение ее из общественной жизни и помещение в некое особое пространство, за пределы которого она не должна выходить.

Почему важно проводить такое различие? Во-первых, для того, чтобы не обольщаться возможностью возвращения к средневековому общественному устройству, сохранять историческую трезвость, без которой невозможно истинное благо Церкви, ибо в своем общественном измерении Церковь является сообществом христиан, объединенных одной верой и верностью общей духовной религиозной традиции. И именно в качестве религиозного сообщества, члены которого разделяют общие ценности, Церковь и должна присутствовать и действовать в современном общественном пространстве. Во-вторых, потому, что Церковь заботится о

стабильности и блага всего общества, членами которого являются люди самых разных убеждений, вероисповеданий и мировоззренческих установок – не только отдельные люди, но и целые группы, образовавшиеся в силу культурных, религиозных, национальных и иных факторов. Так, например, в документе «Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека» утверждается очень важный принцип общежития, а именно принцип взаимного уважения различных мировоззренческих групп в рамках общества в целом.

Секуляризм как принцип светскости неразрывно связан с утверждением крайнего индивидуализма, что нашло свое выражение в сугубо индивидуалистической трактовке прав и свобод человека, в том числе и свободы религиозной веры и убеждений. Согласно этой трактовке, религиозная вера является сугубо частным, принципиально личным убеждением, которое может возникать только как следствие реализации прав человека. Соответственно, религиозные сообщества понимаются как добровольные ассоциации граждан, то есть что-то вроде собраний единомышленников или клубов по интересам. Именно так, например, французское государство воспринимает с точки зрения закона религиозные организации: любая церковная, религиозная структура мыслится как некая ассоциация, как объединение людей по интересам, и ни количество членов, ни история этой организации не имеют решающего значения.

Результатом индивидуалистического подхода к пониманию свободы совести стало игнорирование того факта, что в современном обществе существуют устойчивые мировоззренческие группы, объединяющим началом для которых являются совершенно определенные убеждения, в том числе религиозные, опирающиеся на долгую, порой многовековую традицию. Если же иметь в виду христианские церкви и другие традиционные религии, то соответствующие религиозные сообщества никак нельзя представить только как добровольные ассоциации граждан. В данном случае речь должна идти именно о религиозных традициях как традициях одновременно веры и жизни, которые имеют не только и не столько индивидуальное, сколько поистине общественное значение и измерение.

Если вспомнить о том, как Господь Иисус Христос создавал Церковь, станет совершенно очевидно, что Церковь создавалась не для «индивидуального употребления», не только как ассоциация граждан, объединенных теми и иными убеждениями. Церковь создавалась для того, чтобы действовать на общественном пространстве. И эта общественная миссия Церкви, ее способность, ее право влиять не только на конкретных людей, а на целое общество, на общественное сознание должно быть за Церковь признано. Религиозное сообщество, представляющее долгую религиозную традицию, безусловно, не может быть сведено к добровольной ассоциации религиозно настроенных индивидуумов, и сама религиозная традиция есть значимый культурный фактор в жизни современного общества.

С другой стороны, в социологическом смысле религиозное сообщество представляет собой определенную мировоззренческую группу, которая сосуществует в одном обществе с другими мировоззренческими группами – к ним относятся не только религиозные сообщества, но и группы граждан, придерживающихся нерелигиозных, антирелигиозных или секулярных убеждений; причем к этим последним принадлежат вовсе не только воинствующие секуляристы, но и носители недостаточно отчетливого, размытого или слабого светского мировоззрения. Думаю, мы, православные христиане, не можем уклониться от диалога с теми, кто представляет секулярное мировоззрение и соответствующий образ жизни, ибо такой диалог – это одновременно и христианский миссионерский императив, и проявление ответственности за благо общества в целом.

На протяжении истории загнать религию в гетто удавалось только в том случае, если за поборниками секуляризма стоял тоталитарный диктаторский режим. В других случаях этого не получалось и не получится, потому что религия – это не идеология, навязываемая силой, это, прежде всего, живая вера реальных людей. В то же время убежденные активные секуляристы добились того, что безрелигиозное сознание утвердилось в современном обществе и в той или иной степени затронуло многих его членов. Таким образом, диалог христиан с представителями безрелигиозного мировоззрения является одной из насущных задач в том числе и потому, что ответственность за утверждение и распространение секулярных убеждений отчасти лежит на самих христианах, которые, очевидно, не были достаточно убедительны в христианском свидетельстве и в свое время уступили место воинствующему секуляризму на тех территориях, которые на протяжении веков являлись христианскими.

Но далее мы должны поставить вопрос: как должен вестись такой диалог, возможен ли он вообще? Разве секулярное мировоззрение с самого начала не исключает религию как значимую силу в жизни общества? И с другой стороны, разве религия не является принципиальным отвержением нерелигиозного, секулярного взгляда на мир и человека? Думаю, что такая постановка вопроса сегодня уже устарела. В прошлом то время, когда жизнь общества определялась жестким конфликтом религиозных и нерелигиозных ценностей, когда воинствующий секуляризм пытался установить свою абсолютную гегемонию, а религии приходилось в основном защищаться. Сегодня, когда стало ясно, что гегемонистские устремления секуляризма не привели к желаемому результату и религия поныне является значимым фактором как в жизни отдельных людей, так и даже в общественной жизни, речь должна идти не о взаимном исключении, а о взаимном внимании, вслушивании и, конечно же, о достижении взаимопонимания. На это указывает и то обстоятельство, что даже среди принципиальных сторонников секулярного общественного устройства назревает понимание значимости религиозного мировоззрения и религиозного опыта, свойственных жизни религиозных сообществ.

Однако внимание к мировоззрению и опыту религиозных сообществ со стороны секуляристов не открывает автоматически путь к продуктивному диалогу, но создает новые проблемы, такому диалогу препятствующие. Дело в том, что переход некоторых секуляристов с позиции воинственной враждебности по отношению к религии, прежде всего к христианству, на позицию диалога, еще не означает признания ими полного равноправия участвующих в нем сторон. Это неравноправие связано с тем, что общим языком все еще предполагается именно секулярный язык, то есть готовые к диалогу представители секулярного мировоззрения призывают представителей религиозного сознания к тому, чтобы те в процессе диалога переводили свои религиозные убеждения и представления на язык светских идей как единственный общепонятный. По существу, это ловушка, это очередная попытка подавить религиозное мировоззрение в его специфике.

Здесь мы сталкиваемся с очень важным аспектом нашего отношения к секуляризму как в его крайне агрессивных формах, так и в более или менее нейтральных проявлениях. Проблема перевода – это ложная проблема, которую навязывают сторонники якобы всеобъемлющей светскости современной жизни, возлагая всю ответственность за продуктивность диалога секулярного и религиозного мировоззрений на приверженцев религиозной веры. Предполагается, что именно носители религиозного сознания должны предпринять особые интеллектуальные усилия, чтобы донести до секулярного мира смысл своих религиозных верований и своего духовного опыта.

Однако это возможно далеко не всегда, так как не всегда религиозный смысл можно перевести на секулярный язык, ведь религиозные люди и представители антирелигиозного мировоззрения пользуются разными понятийными аппаратами. Секулярный язык не только не приспособлен к передаче религиозных истин, но, более того, в передаче посредством этого языка они подвергаются существенному искажению и перетолкованию.

В качестве примера можно привести понятие греха. Это религиозное понятие невозможно выразить в терминах светской этики как просто моральный запрет, а тем более в таких терминах, как «вина», которое сегодня сразу отсылает к некоторым направлениям современной психологии. Термин «грех» и противоположный ему термин «заповедь Божия» не могут быть сведены к статусу элементов системы моральных ориентиров, хотя и несут в себе ярко выраженное нравственное содержание. Но это содержание является аспектом религиозной жизни человека перед лицом живого Бога и предполагает, прежде всего, путь духовной жизни в контексте как жизни религиозного сообщества, так и его сакраментальной практики. То есть это путь верующего человека в Церкви и вместе с Церковью.

В современном лексиконе понятие греха практически отсутствует. Принятый сегодня секулярный

лексикон знает понятие преступления, нарушения закона. Но что такое грех для человека, для которого, в соответствии с положениями секуляризма, не существует никаких абсолютных нравственных ориентиров? А ведь современное западное сознание, по сути дела, навязывает человечеству представление о том, что абсолютных нравственных ориентиров не существует, что существуют лишь те моральные установки, которые каждый человек определяет для самого себя. Таким образом, какую шкалу нравственных ценностей ты себе построишь, по такой и сможешь жить, но ровно настолько, насколько твой образ жизни не задевает права и интересы других людей. Только тогда, когда поведение человека вступает в конфликт с интересами других людей, оно становится предвзятым с точки зрения секулярной морали.

Это в особенности относится к сфере сексуального поведения. В современном западном обществе нет представления об абсолютных нравственных ценностях в этой области, в том числе о необходимости супружеской верности, о рождении и воспитании детей как абсолютном благе и как благословении Божиим. По сути дела, традиционный уклад, который на протяжении веков помогал человечеству развиваться и воспроизводиться, сегодня разрушен.

И поэтому, когда мы говорим о диалоге между секуляризмом и религиозным мировоззрением, нужно помнить, что это диалог не только и даже не столько о религиозных основаниях каких-либо интеллектуальных убеждений, но прежде всего – о смысле человеческой жизни. Для чего живет человек, на каких ценностях строится его жизнь – вот о чем, по сути дела, спорят сегодня представители секулярного и религиозного мировоззрений. В конечном итоге, это диалог и спор о будущем человечества: о том, будут ли наши народы размножаться или же сокращаться и постепенно вымрут, о том, будут ли в обществе царствовать грех и вседозволенность, или же человек будет ориентироваться на какие-то абсолютные нравственные нормы, которые мы на религиозном языке называем Божественными заповедями. Мы должны вести диалог с представителями секулярного миропонимания. Такой диалог является нашей обязанностью – мы не только не можем от него уклониться, но должны активно вести диалог в самых разных формах и на разных общественных дискуссионных площадках.

В то же время мы не можем допустить, чтобы религиозное невежество, господствующее в секулярной части нашего общества, диктовало нам свои условия ведения диалога. Для того, чтобы он состоялся, необходимо добиться того, чтобы секуляристы отказались от требования перевода религиозных смыслов на светский язык и начали изучать эти религиозные смыслы как таковые, чтобы постараться понять религию и религиозное сознание в их собственном особом и уникальном качестве. Только в случае взаимного постижения и понимания различных способов мировосприятия будет возможен и продуктивен диалог.

Другими словами, задача христиан в этом диалоге состоит в том, чтобы обратить внимание

носителей секулярного сознания на сознание религиозное как таковое: на религиозную мысль, на религиозный опыт, религиозную практику в ее актуальности и в ее исторической перспективе. Это значит, что мы, православные христиане, должны прикладывать необходимые усилия для того, чтобы говорить с представителями секулярного мировоззрения так, чтобы они понимали наши доводы. Однако следует признать и другое: диалог есть движение навстречу друг другу, и целью этого диалога является, по существу, создание нового языка, который стал бы общим для представителей обеих сторон.

Насколько достижима эта цель? Представляется, что достигнуть ее возможно, потому что далеко не все в религиозном языке является непереводаемым на язык светский; кроме того, несмотря на разницу этих языков, само положение человека в мире, перед лицом мировоззренческих вопросов и общественных задач, является все же общим для всех людей. Мы все находимся, по сути, в одинаковой ситуации и должны отвечать на одни и те же вопросы, касающиеся основополагающих ценностей и человеческой жизни.

Позиции верующих людей и неверующих очень сильно отличаются одна от другой, но тем выше ответственность христиан, вступающих в диалог с секулярным мировоззрением, и тем важнее диалог, который является для нас не просто переговорами с представителями других мнений, но, прежде всего, христианским свидетельством, христианской миссией в том мире, который не без нашей вины стал сегодня в значительной степени секулярным и даже антирелигиозным.

В заключение хотел бы обратить внимание на следующий факт: в нынешней ситуации, которую иногда называют постсекулярной, поскольку невозможно отрицать значимость возвращения религии в общественную жизнь, воинствующий секуляризм не только не отступает, но, скорее, пытается вновь наступать там, где он имеет такие возможности. Недавним примером тому является решение Европейского суда по правам человека при Совете Европы в Страсбурге запретить в итальянских школах изображение распятия.

Однако такие победы воинствующего секуляризма сегодня все чаще оказываются пирровыми. Так, реакцией Италии на это решение суда стала подача апелляции, что было не просто реакцией государства, но и отражением широких настроений итальянцев. Решение суда в Страсбурге вызвало массовое возмущение в итальянском обществе: имели место демонстрации, протесты граждан, а некоторые итальянские бизнесмены демонстративно стали размещать на стенах своих офисов распятия, хотя раньше их там не было. Совсем недавно 37 преподавателей права из одиннадцати стран мира направили свои комментарии в Европейский суд по правам человека, призывая его отменить это решение. Как известно, **Святейший Патриарх Кирилл в свое время направил специальное послание Премьер-министру Италии**, в котором выразил поддержку усилиям итальянского правительства противостоять абсурдному решению Европейского суда по

правам человека. Кроме того некоторые страны, в том числе Россия, выразили свою волю к тому, чтобы выступить в суде третьей стороной, заявить свои доводы против решения Европейского суда.

Это лишь один пример, но пример знаменательный. Действительно, сегодня воинствующий секуляризм доводит свои идеи до абсурда, пытаясь разрушить последние основания традиционных христианских культур на европейском общественном пространстве. Однако тем самым приверженцы секуляризма сами выводят себя из сферы здравого и ответственного отношения к благу общества, которое предполагает равное внимание к убеждениям и верованиям всех его членов и всех мировоззренческих групп, которые это общество составляют. Поэтому нельзя признать удовлетворительным часто употребляемое и распространенное понятие «светское общество», а необходимо предпринимать усилия по налаживанию взаимоуважительного диалога между представителями религиозного и секулярного мировоззрений. Тогда непререкаемая гегемония секуляризма в обществе, с которой нас так долго приучали мириться как с неизбежным фактом истории, сойдет на нет, и воинствующие секуляристы окончательно превратятся в маргиналов, а религиозные сообщества перестанут восприниматься общественным сознанием как население некоего гетто и смогут занять достойное и соответствующее их значению место в пространстве современной общественной жизни.

Источник: <https://mospat.ru/ru/news/57140/>